

Проект В.Н. Муравьёва: утопия или решаемая задача?

Project of V.N. Muravyev: Eutopia or Solvable Problem

Получено: 21.12.2016 г. / Одобрено: 27.12.2016 г. / Опубликовано: 16.06.2017 г.

Малова О.В.

Аспирант, кафедра истории русской философии, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

Malova O.V.

Postgraduate, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Moscow State University, 27-4, Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119234, Russia, e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проект В.Н. Муравьёва: его представление идеального будущего и путей достижения этого идеала. Анализируется проективизм как направление в русской философии, проблематизируется существование «проектной философии». Цель статьи: анализ предлагаемого В.Н. Муравьёвым проекта, рассмотрение возможности его достижения предложенными им методами. В статье поднимается вопрос: возможно ли воскресить прошлое, продлить его в будущее, перенести в него всё самое ценное, что было и есть у человечества? Проект В.Н. Муравьёва сравнивается с проектом Н.Ф. Фёдорова, последователем которого он является. Отражено, как в работах В.Н. Муравьёва основные идеи «философии общего дела» преобразовываются и дополняются идеей «овладения временем». Проект предлагается к исследованию как образ будущего, построенный В.Н. Муравьёвым на основе ценностей космизма (и проективизма) Н.Ф. Фёдорова, дополненный его собственной методологией.

Ключевые слова: проект, вселенский идеал, космизм, воскрешение, мирохозяйственная деятельность.

Abstract. The article considers a project of V.N. Muravyev: his representation of ideal future and ways of achievement of this ideal. The analysis of projectivism as an aspect of Russian philosophy is provided; the existence of “project philosophy” is problematized.

The aim of the article is the analysis of V. Muravyev project, the research into the possibility of its realization using given methods. The primary question raised in this article is whether it is possible to resuscitate the past, prolong it into the future, carrying to it the most valuable things that have been at the humanity’s disposal? Author states a close link with a project of N.F. Fedorov, Muravyev’s predecessor.

In his works, the main ideas of the philosophy of «Common Cause» are transformed and supplemented with the idea of «conquest of time». Muravyev’s project represents an ideal of the future which he develops using his own methodology of application of values of cosmism (and projectivism) based on the latter of Fedorov.

Keywords: project, oecumenical ideal, cosmism, resurrection, world economic activity.

Во второй половине XIX в. в истории русской философской мысли появляется ряд идей, объединённых стремлением изменить существующий мир путём совместной деятельности людей во всем мире, воплотить представления об идеальном мироустройстве в реальность. Их развитие позволило выделить целое направление проективной философии, проективизма. Я.Ф. Озе в одной из своих основных работ «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце» (1896 г.) противопоставляет эти направления, характеризуя проективизм как мировоззрение, которое приписывает подлинную реальность нашим представлениям, миру представлений, порожденному нашим «я». Он разделяет три вида проективизма: наивный, идеалистический и физический. Критерием их различия является то, чему приписывается подлинная реальность. В первом случае это наши ощущения, во втором — идеи нашего ума, а в третьем — абстрактные понятия естественных наук (вещество, пространство, движение).

Иначе говоря, эти три вида представляют собой наивный реализм, объективный идеализм и мате-

риализм. Они представлены им в векторном изложении как три стадии развития философских представлений. Подобная трактовка проективизма не совсем корректна, она использовалась автором для возможности критики подобного философского направления и выдвижения персонализма как преодоления проективизма.

И.М. Шишкин, исследователь русской проективной философии, характеризует ее так: «Исходное определение проективной философии связано с тем, что своей конечной целью, как и целью всякого знания, она полагает вселенский проект преобразования человека и мира, т.е. проект целостного преобразования человека и тотального преобразования мира. <...> Конечная цель философии не объяснение мира, а тотальное его преобразование» [12, с. 15]. Критическое описание данного направления мы можем найти у Ф.И. Гиренка: «Если окружающая нас среда не соответствует своему понятию, т.е. нашему представлению о том, что в ней полезно, а что бесполезно, то нам еенеобходимо изменить,

т.е. привести в соответствие. Проективное сознание готово скорее изменить мир, чем свои представления о мире» [3, с. 57].

В первую очередь проективная философия связана с именами двух выдающихся русских философов: Н.Ф. Фёдорова и В.С. Соловьёва. Несмотря на множество общих идей и влияние воззрений Н.Ф. Фёдорова на убеждения В.С. Соловьёва, их творчество является уникальным и обособленно друг от друга.

Проективный подход, характерный для космизма, распространился не только на его религиозно-мистические направления, получившие выражение в философских работах Н.Ф. Фёдорова и его последователей, но и на естественно-научный космизм. Элементы проективизма можно обнаружить в работах таких деятелей науки, как К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.А. Умов. Ф.И. Гиренок отмечает, что «в философском отношении русский космизм распадается на два течения: на проективистов и органицистов» [3, с. 279]. К первым он относит творчество Н.Ф. Фёдорова, А.П. Платонова и К.Э. Циолковского, ко вторым — В.И. Вернадского. Среди последователей Н.Ф. Фёдорова, продолживших развитие проективной философии в своих работах, наиболее известны В.Н. Муравьёв, А.К. Горский и Н.А. Сетницкий.

Сторонники проективной философии при ее определении акцентируют внимание на активизме и высокой роли творчества человека. Критические подходы обращают внимание на присущую ей неудовлетворённость реальностью, утопизм идей-проектов. Сам Н.Ф. Фёдоров определял проектирование как мышление о деле, «постоянное душевное состояние для большинства», считая губительным отрыв мысли от действия [9, с. 149]. Он бы не согласился с упреками в оторванности от реальности, для него проективная мысль как раз тесно связана с реальностью, но он не пассивно воспринимает ее как факт, а ставит перед собой цель улучшить ее. В этом споре о необходимости и возможности изменять окружающий нас мир В.Н. Муравьёв поддерживает позицию Н.Ф. Фёдорова.

Исходя из подобного определения проективизма, можно отметить схожую методологию всех проективистских концепций, наличие в каждой из них центрального понятия вселенского идеала, достижению которого подчинены все сферы человеческой жизни. Естественно, сами идеалы отличаются в зависимости от их видения каждым конкретным мыслителем. Для Н.Ф. Фёдорова роль такого идеала выполняет идея всеобщего воскрешения, для

достижения которого необходимо всеобщее дело: «Философия должна стать знанием не только того, что есть, но и того, что должно быть, то есть она должна из пассивного умозрительного объяснения сущего стать активным проектом должствующего быть, проектом всеобщего дела» [10, с. 181]. Философия Н.Ф. Фёдорова претендует на статус религиозной философии, она сочетает свободу воли и творчества человека с одобрением Богом активного деятельного отношения человека к изменению окружающего нас мира. Он обращается к Евангелию, трактуя как призыв к действию слова: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12).

Критическое отношение к окружающему миру без единого общего идеала порождает сомнение в необходимости выделения проективной философии в качестве отдельного направления в философии. Возможно, стоит рассматривать не проективную философию как таковую, а именно проективизм как методологическое приложение к более конкретному комплексу идей. Например, современный исследователь русского космизма Л.А. Чижикова рассматривает проективизм русского космизма. Она отмечает, что «все же основополагающим принципом русского «проективного» космизма является установка на преобразование человека и природы с опорой на детально разработанные проекты этого преобразования. Деонтологические проекты космистов направлены на мирохозяйственную деятельность человека, они не просто эпистемологичны, а как теория познания играют ключевую роль в этой деятельности. Познание у космистов выполняет прагматическую функцию, главное для них не познать, а преобразовать хозяйственную деятельность человека» [11, с. 21]. Этот принцип также проливает свет на восприятие проекта, помогает отбросить закравшееся сомнение, нельзя ли поставить знак равенства между проектом и жанром утопии, появившимся существенно раньше. Проект, хоть и сильно идеализирует реальность, предполагает не только описание этого идеала, но и алгоритм действий для его достижения, которые каждый может и должен начать осуществлять здесь и сейчас, а не в отсроченном будущем. Утопии могут предлагать решения конкретных общественных проблем, даже реально реализуемые в будущем (например, идея построения гражданского общества), но не претендуют на всеохватывающую (космическую) роль, являются, скорее, локальным социально-политическим идеалом, чем осмыслением мироустройства

в целом. Мирохозяйственная деятельность для достижения лучшего мира — это специфическая особенность проектов Н.Ф. Фёдорова и В.Н. Муравьёва.

А.К. Горский в главе «Проективизм и борьба со смертью» в работе «Николай Фёдорович Фёдоров и современность» также обращается к пояснению сути проекта как такового в отрыве от его конкретного содержания: «Философы имели право не признавать человеческих представлений объективными, но они не имели права считать их только субъективными, ибо они могли быть таковыми лишь для существ, осужденных на бездействие: для не лишенных же способности действия ряд представлений будет проектом, т.е. они могут быть осуществлены и, следовательно, доказаны делом» [4, с. 7]. Он же приводит и определение В.А. Кожевникова: «Проект — это мост между субъектом и объектом, объединяя в себе мысль и чувство, он спасает первую от неразрешимых ею одной сомнений, а второе — от бездоказательности и ненаучности его положений. Окрыленное душою чувство, пронизанное желанием мышление пытается существующее пополнить или заменить желательным, объединяя безжизненное — объективное и бездоказательное — субъективное при помощи могущего быть, при содействии вводимого самым делом в действительность, становящегося и осуществляемого проективного. В этом великом синтезе и знание, и чувство становятся действенными, активными, чтобы в конечных результатах стать продуктивными»¹ [4, с. 7].

Описывая проективизм Н.Ф. Фёдорова, А.К. Горский упоминает и его последователя В.Н. Муравьёва, естественно, ссылаясь только на одну опубликованную работу «Овладение временем как основная задача организации труда»² (1924 г.). Он акцентирует внимание на идее разумного использования времени, овладения им и, как следствие, преобразования мира. Также А.К. Горский отмечает, что В.Н. Муравьёв «отдает себе также отчет о той роли, какую должно сыграть искусство в качестве высшего организующего принципа анататической и космократической проектики и практики. Он касается проблемы синтеза искусств и задач новой архитектуры» [5, с. 31].

Исследователь биографии В.Н. Муравьёва Г.П. Аксёнов отмечает влияние проективной философии на В.Н. Муравьёва: «Само знакомство с этим мыслителем [речь идет о Н.А. Сетницком] указывает направление его духовного поиска: Н.А. Сетницкий

принадлежал к верным сторонникам и продолжателям «проективной философии» Н.Ф. Фёдорова, учения о творческом преобразовании мира и становлении всех умерших поколений» [1, с. 7].

При упоминании проективизма в русской философской мысли из работ В.Н. Муравьёва обычно упоминается его «Овладение временем», а также иногда «Культура будущего», что неудивительно, поскольку, во-первых, это единственная крупная прижизненная публикация и, во-вторых, в ней действительно изложен его взгляд на проблему времени и пути ее решения, которые полностью соответствуют методологии проективизма. Однако проективный подход проявляется во многих иных работах, не связанных напрямую с идеей овладения временем, ставшей вторым своеобразным ярлыком для этого философа после определения его как космиста. Узость подобного определения отмечает Г.П. Аксёнов: «Принадлежность Муравьёва к тому направлению русской философии, которое названо космизмом, отнюдь не означает, по выражению Н.А. Бердяева, “космического прельщения”, т.е. некоего мистического ощущения себя космическим существом. Для Муравьёва космос сам по себе, скорее, обозначает порядок, строй природы, вечные и неизменные законы, чем вселенское вмещище. Человеческое сознание не есть отражение внешней вселенной, а, скорее, наоборот, строение космоса диктуется внутренним миром человека» [1, с. 9].

Даже в определении понятия «бытие» можно увидеть влияние проективизма: В.Н. Муравьёв считает, что оно «само по себе есть иллюзия и имеет смысл, только поскольку оно подходит к “что делать?” через “как делать?”» [6, с. 542]. Он описывает процесс «грандиозной раскачки» от себя к миру и наоборот, которая отражает взаимодействие человека со вселенной [6, с. 543]. В подобном роде он определяет и личность, которая «есть весь мир, нашедший особое выражение». [6, с. 556] Философия В.Н. Муравьёва — это философия действия, творчества, активной позиции человека, веры в его безграничные возможности. «Всякая философия, достойная этого имени, стремится быть философией творчества. Творчество — наивысшее понятие. Выше идеи творчества нет ничего, и творчество всему предшествует и все включает. <...> И жизнь человека, и всякое его действие может быть сведено к творчеству. Мое действие, моя мощь и сопротивление, ею встречаемое, единственное, что составляет содержание моей жизни», — пишет он [6, с. 557]. Любое творчество имеет определённую цель, образ

¹ Цитируется работа В.А. Кожевникова «Опыт изложения учения Николая Фёдоровича Фёдорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам».

² Далее в тексте статьи для краткости: «Овладение временем».

того, что должно получиться. И в этот момент возникает вопрос о проекте.

Что же является проектом для В.Н. Муравьева? Он обращается к этому вопросу в различных работах, но термин везде имеет одинаковое значение: «...проект есть идеал будущего, согласно которому оно строится», и при этом «проект есть возникшая в прошлом комбинация элементов» [7, с. 245]. Как же возможно объединить прошлое и будущее в одном проекте? Ответ на этот вопрос он черпает из «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, он напрямую связан с воскрешением. Для осуществления акта воскрешения, по В.Н. Муравьеву, необходимы «память, сохраняющая имена прошлого, и разум, проектирующий будущее, т.е. судящий весь процесс с точки зрения выбора наилучшего и желаемого» [6, с. 567].

Прошлое рассматривается им в двух видах: как нечто познанный и как проект, т.е. возможное будущее, которое, по сути, является возвращенным (воскрешённым) прошлым. Что-то остаётся в прошлом как отработанное и ненужное, что-то переносится в будущее. «Воскрешение предполагает творчество новых и лучших комбинаций старых элементов, воссоздание того, что в прошлом было лучшего и наиболее жизненного. Роль сознания и заключается в том, чтобы составлять проект такого будущего: для этого разум выбирает элементы жизни и отбрасывает элементы смерти», — так поясняет это процесс отсеивания ненужного в будущем В.Н. Муравьев [6, с. 565].

Аналогичное деление на прошлое и будущее проводится им и относительно суждений, которые он разделяет на исторические и проективные. Исторические суждения связаны с прошлым, они — это «утверждение памяти о прошлом или о настоящем». Проективные суждения связаны именно с будущим, это «суждения ума о будущем, т.е. о том, что может или что должно быть. <...> Собственная роль разума, таким образом, сводится к проективным суждениям. Разум имеет два определенных предела: первый — настоящий момент, с которого начинается мое будущее и будущее мира. Второй — предположение о таком моменте, когда никакого дальнейшего проекта нельзя будет построить, т.е. о моем конце» [6, с. 561–562]. Эти суждения лишь на первый взгляд кажутся противопоставленными друг другу. Основная идея как раз связана с необходимостью их объединения. «Надо всегда соединять мысль о прошедшем и мысль о будущем. <...> к фактам прошлого присоединяется проект будущего, их исправляющий» [6, с. 563–564].

Проект как идеал, как некий ориентир предполагает наличие усилий и действий по его достижению. Он сам по себе без них лишь совершенная теория, ведь «создать проект одно, а осуществить его другое. Но осуществление <...> дает всегда по сравнению с проектом какое-то умножение, конкретизацию <...> Но полнота ничего не прибавляет к совершенству самого проекта» [7, с. 246]. При таком рассмотрении изменения действительности всякий трудовой процесс несет проективный характер установки. Любые наши действия нацелены на достижения результата (проекта).

Разрыв между идеалом и действительностью обусловлен не только отсутствием действий по его достижению. «Проекты наши не осуществляются полностью, ибо мы недостаточно исходим из прошлого и не вполне его постигаем. Полное постижение создало бы проект, совпадающий с его осуществлением. Но это возможно лишь в момент слияния прошедшего и будущего» [6, с. 564]. Полное постижение означает собирание всего ценного, что было создано в прошлом, это объединение лучших достижений человечества, которые должны не уйти в прошлое, а перейти в будущее. Эти драгоценные крупинки и создают проект как таковой. Но можем ли мы собрать всё воедино, не упустив ничего важного?

В этом процессе поиска и собирания ценного нашим помощником является разум, который должен «пока дело человеческое и общемировое ещё не завершено, снабжать его нужными для него проектами. Вернее, единым проектом, потому что все проекты могут быть связаны в единый проект будущего нашего общего действия...» [6, с. 562]. Есть общемировая цель, общий проект построения идеального мира, но каждый человек может и должен внести свой вклад в его формирование и воплощение. Проект частного действия должен соотноситься с общим, во временном плане это как раз отсылка к временному и вечному, их взаимодействие «обнаруживающееся памятью в сделанном и разумом проецируемое для ещё не сделанного» [6, с. 562].

Немаловажным моментом является религиозный компонент данной концепции. И.М. Шишкин отмечает, что проективная направленность мысли не характерна для русской религиозной философии XX в., рассматривая как исключение «Философию хозяйства» С.Н. Булгакова. Однако философские идеи В.Н. Муравьева носят религиозный характер, хотя и отнести его к плеяде религиозных философов XX в. будет неверным. По его мнению, человек наделен свободой воли, он автор своей жизни, бо-

лее того, он автор жизни вселенной как участник общемирового процесса ееизменения. Нет предзаданного пути, который было бы невозможно изменить, все зависит от деятельности человека, от пути, выбранного им. Чисто логически данная система может быть выстроена без упоминания имени Бога. Однако у В.Н. Муравьёва, как и у Н.Ф. Фёдорова, вся деятельность сводится к некому конечному проекту, напрямую связанному с Богом. «В мысли нашей и нашей интуиции мы доходим до Бога и убеждаемся, что никакие понятия не могут выразить, что Он Всереальнейшее Существо, что в Нем полнота не мысли только, а жизни и дела. Таким образом, мысль имеет определенное начало — мое настоящее и определенный конец — мое постижение Бога. Она носит характер всегда строго проективный, заполняет промежуток между мной и Богом. Но это промежуток реальный, а не мыслимый только, и он может быть заполнен не мыслью, а непременно жизнью, делом. И не индивидуальными только жизнью и делом, а деятельностью всех связанных со мной вещей и существ» [6, с. 565]. Отчетливо проявляется влияние «философии общего дела», несмотря на свободу воли и высокую оценку творческого потенциала личности, один человек не может ничего. Спасутся либо все, либо никто — вот так происходит объединение людей для общей деятельности с единой великой целью. Путь коллективной общемировой деятельности по преобразению мира и является путем приближения к Богу. Это не просто исправление каких-либо собственных ошибок, но коллективное осознание и исправление их.

Будущее, проект — не только идеальный мир, к которому должны стремиться в едином усилии все люди, но это и «искание мною и со мной всем миром Бога» [6, с. 565]. Для достижения Бога необходимы вполне конкретные действия: осуществление победы над временем, овладение им, реальное воскрешение и перенесение всего лучшего в прошлом в будущее через творчество. Нужно «делать историю так, чтобы дойти до Бога, т.е. осуществить в ней то божественное, что заложено в нас и отчасти открылось уже в прошлом. Будущее — это недовоскрешенное прошлое. Когда мы воскресим (не в мысли только, а действительно) то, что было жизненно в прошлом, а следовательно, то, что в нем было божественно, — будущее вовсе исчезнет. Это будет концом мира, свершением времен, слитием нас с Богом. Тогда исчезнет мысль в еепроективном виде, а также в историчном ее виде, и останется одна мысль-ощущение, т.е. вечное настоящее» [6, с. 560]. Воскрешение понимается им максимально широко,

он не использует словосочетание «воскрешение предков», как Н.Ф. Фёдоров, скорее, воскрешение всего жизненного.

Построение идеального мира, по его мнению, изменение окружающего нас мира, исправление в нем того, что является несовершенным, не просто возможно, а необходимо. В этом вопросе его религиозные взгляды вступают в противоречие с христианскими чаяниями грядущего Царства. Согласно христианскому учению наш мир грешен, а рай достигим лишь после смерти и не на земле, а у В.Н. Муравьёва всё иначе. Он не согласен с подобной позицией, считает еепассивной, а человека, обладающего волей, сознанием, рассудком, вполне способным корректировать мир, в котором он живет. Забвение мирской жизни в мыслях о грядущем райском бессмертии он называет «изменой миру, в котором мы живем, любовь к Богу в небесах — предательством по отношению к Богу на земле» [6, с. 555]. Здесь мы видим тесное переплетение с соловьевской идеей Богочеловечества, которая в определенном аспекте импонирует ему: «Идея Богочеловечества тем именно ценна, что она пытается соединить два мира, указывая и путь этого объединения — крестное страдание, пролитие своей человеческой крови» [6, с. 555]. Он предлагает увидеть в Христе более Человека, чем Бога, считая, что это только возвысит совершенное им.

Суждение о текущей незавершённости проекта содержит послыл потенциальной возможности завершения, т.е. создания того проекта всех проектов, полного и вечного. Наступит ли этот земной рай, — на это вопрос В.Н. Муравьёв отвечает уклончиво, поясняя, что «будущее условно — оно зависит от наших поступков. <...> нельзя верить в безусловное спасение или безусловную гибель, но надо желать воскресения и прилагать все усилия, чтобы завоевать на него право» [6, с. 563]. Эти слова вновь подтверждают прагматично-конкретный характер проекта В.Н. Муравьёва, попытку обосновать его, спустить с уровня заоблачных иллюзий в мир обыденных человеческих дел.

Наиболее полно тот самый «вселенский проект преобразования человека и мира» представлен в религиозно-философской мистерии «София и Китоврас». В этом труде В.Н. Муравьёв выделяет основные мирозерцания в современной ему России. Он относит к ним анархический индивидуализм, церковное христианство, просветительско-позитивную культуру периода Новой истории и революцию. София, героиня мистерии, светская дама, находится в поиске пути построения «идеального

царства человеческих отношений» [8, с. 73]. Вместе с единомышленниками, участниками организованного ею сообщества «Бенсалема», она рассматривает уже упомянутые существующие мирозерцания, сравнивая их. Возможно, какое-то из них способно занять место того самого идеала, нуждается лишь в корректировке или широком распространении идей. София в этом стремлении, скорее, отражает поиски всего русского народа, чаяния той самой «загадочной русской души». В.Н. Муравьев отмечает, что «русский народ в веках ищет царства правды и понимает ту правду как объединение всех в оном великом деле мирового строительства и преобразования» [8, с. 234]. Сама София, несмотря на искреннее желание и незаурядные интеллектуальные способности, не может дать однозначный ответ на вопрос, какой из представленных участниками их сообщества идеалов лучше. Среди них есть представители различных взглядов, каждый из них внимательно выслушан ею, но незаурядный ум Софии помогает ей обнаружить слабые места каждой из идеологий, которые не позволяют ей выбрать их в качестве ориентира. Впрочем, и сильные стороны каждой из позиций не могут оставить ее равнодушной. Ее «неудовлетворенность не выливается почти ни во что конкретное в смысле положительных стремлений» [8, с. 71], у нее есть риск «заблудиться где-нибудь между Градом Божиим Августина и Интернационалом» [8, с. 73].

Автор сравнивает ее состоянием русской интеллигенции в целом, наверное, и их судьбы были бы похожи, если бы не появление в жизни Софии Китовраса, мифического существа, помогающего ей в ее стремлениях. Он позволяет ей, терзаемой сугубо теоретическими поисками и жаждущей перейти к практическому пути, к построению найденного идеала, преобразиться, стать председателем ищущих, архикратором. Сначала она, все еще не обладающая собственной позицией по этому вопросу, совершает обход царств строителей, проецируя итоги их работы, сравнивая конечные царства с представлениями об идеале. Это четыре различных царства: царство личности, христианство, царство западноевропейской культуры и царство революции. Первый итог неутешителен: «Эти строители ничего не построят. Они безнадежны» [8, с. 280].

«Бенсалема» исчерпал себя, но настает время для «Нового Бенсалема», проекта, имеющего прямое сходство с «философией общего дела» учителя В.Н. Муравьева Н.Ф. Фёдорова. Происходит преобразование Софии из ищущей женщины Софии (Ахамот) в Софию Премудрость (Пруникос, Хокма),

Китовраса в Метатрона, пришедших к людям, чтобы «вывести людей из плача и стенаний и указать им царственные пути общего дела, преобразующего мир» [8, с. 375]. Проекты участников не уходят в историю, нет, «ни один из побежденных архонтов не отбрасывает всецело свои старые идеи, но только преобразовывает их в видах нового их применения» [8, с. 379].

Именно в этой работе В.Н. Муравьев (устами персонажа Китовраса) превозносит проект Н.Ф. Фёдорова, называя его своеобразным Иоанном Предтечей, а его учение — новым мессианским актом. Ранее был мессианский акт, это христианство и его «правильная апокалиптическая традиция, идущая от Христа и направляющая мир к его преображению» [8, с. 237]. Однако христианство, по его мнению, лишь поставило задачу, не пояснив, какие средства нужно использовать для ее решения. Развитие науки помогло восполнить этот пробел, это и нашло отражение в проекте Н.Ф. Фёдорова, не противостоящем, а дополняющем христианский. В.Н. Муравьев открыто выделяет его среди всех иных проектов: «Я далек от мысли, конечно, сравнивать Фёдорова с Христом, но калибр его акта во всяком случае больше калибров всех актов от Христова до современности» [8, с. 237].

А.Г. Гачева, исследователь творчества Н.Ф. Фёдорова и В.Н. Муравьева, отмечает, что В.Н. Муравьев его «считал одним из своих главных духовных учителей, понимая ученичество не как подражание, но как свободную творческую преемственность, в которой возможны самые смелые трансформации источной системы мысли» [2, с. 17].

Она обращает внимание и на изменения, которые претерпел образ искомого царства. В первых черновых вариантах мистерии, написанных в 1921–1922 гг., изображен «образ Церкви, представавшей водительницей человечества к Царствию Божию» [2, с. 27]. Позднее части работы неоднократно редактируются с целью получения текста, который сохранил бы основные идеи, но смог бы преодолеть существующую в советское время цензуру. Так христианские мотивы вытесняются гностическими, но происходящая подмена понятий не влияет на основной базис идей. Эта замена является ширмой для проверяющих текст на пригодность к печати, для читателя одна должна быть очевидной. Даже итоговый цензурный «Новый Бенсалема» все равно «отчетливо проецируется на «Новый Иерусалим» 21 главы «Откровения»» [2, с. 21]. К сожалению, при жизни автора и этот вариант так и не был опубликован.

Возможно, появление в тексте элементов гностицизма связано с рецепцией гностических идей в русской культуре конца XIX — начала XX в. Повышенное внимание к ним со стороны русских символистов Серебряного века не могло остаться незамеченным. Тенденция обращения к гностическим образам присуща и религиозной философии этого времени. Это могло стать как решающим

фактором при поиске подходящей замены для прохождения цензуры, так и просто повлиять на взгляды философа. Остается надеяться, что сейчас, после публикации корпуса работ В.Н. Муравьева, его проект построения идеального мира, достижения Бога и овладения временем не останется без внимания, его не постигнет участь того ненужного, которое остается в прошлом, не воскрешаясь в будущем.

Литература

1. Аксёнов Г.П. Искатель последней правды [Текст] / Г.П. Аксёнов // В.Н. Муравьев. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 3–21.
2. Гачева А.Г. Гностические мотивы в философской мистерии В.Н. Муравьева «София и Китоврас» [Текст] / А.Г. Гачева // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре» в ВГБИЛ им. М. И. Рудомино 21.01.2011. Т. 1. / Отв. ред. А.Л. Рычков. — СПб.: Изд-во РХГА, 2015. — С. 15–52.
3. Гиренок Ф.И. Ускользающее бытие [Текст] / Ф.И. Гиренок. — М.: ИФРАН, 1994. — 220 с.
4. Горский А.К. Николай Фёдорович Фёдоров и современность: очерки [Текст] / А.К. Горский // А. Остромиров. В 4 вып. Вып. 2: Проективизм и борьба со смертью. — Харбин: Типолиторг. Л.М. Абрамовича, 1928. — С. 1–15.
5. Горский А.К. Николай Фёдорович Фёдоров и современность: очерки [Текст] / А.К. Горский // А. Остромиров. В 4 вып. Вып. 3: Организация мировоздействия. — Харбин: Типолиторг. Л.М. Абрамовича, 1932. — С. 1–40.

References

1. Aksenov G.P. Iskatel' poslednej pravdy [The seeker of last truth]. *Ovladenie vremenem. Izbrannnye filosofskie i publicisticheskie proizvedeniya* [The conquest of time. Selected philosophical and journalistic works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 221 p., pp. 3–21.
2. Gacheva A.G. Gnosticheskie motivy v filosofskoj misterii V.N. Muravyova «Sofiya i Kitovras» [Gnostic motives in the philosophical mystery of V.N. Muraviev "Sofia and Kitovras"]. *Rossiya i gnozis. Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rannekhristianskij gnosticheskij tekst v rossijskoj kul'ture» v VGBIL im. M.I. Rudomino 21.01.2011 g.* [Russia and gnosis. Proceedings of the International scientific conference «Early Christian Gnostic text in Russian culture» in Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature 21.01.2011]. Moscow, 2015, pp. 15–52. (in Russian)
3. Girenok F.I. *Uskol'zayushchee bytie* [The elusive Being]. Moscow, IFRAN Publ., 1994. 220 p.
4. Gorskiy A.K. Nikolaj Fyodorovich Fyodorov i sovremennost': ocherki [Nikolai Fyodorovich Fedorov and modernity: essays]. *Proektivizm i bor'ba so smert'yu* [Projectivism and fight to the death.] Tipolitorg. L.M. Abramovicha Publ., 1932, pp. 1–40.
5. Gorskiy A.K. Nikolaj Fyodorovich Fyodorov i sovremennost': ocherki [Nikolai Fyodorovich Fedorov and modernity: essays]. *Organizaciya mirovozdjestviya* [The organization of influence on the world.] Harbin, Tipolitorg. L.M. Abramovicha Publ., 1928, pp. 1–15.

6. *Muravyev V.N. Sochineniya* [Texts]: В 2 т. Т. 2: Афоризмы. [О личности и времени, о воскрешении и соборности] / В.Н. Муравьев. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 719 с.
7. *Muravyev V.N. Sochineniya* [Texts]: В 2 т. Т. 2: Материалы к работе «Овладение историей» / В.Н. Муравьев. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 719 с.
8. *Muravyev V.N. Sochineniya* [Texts]: В 2 т. Т. 2: София и Китоврас. Философская мистерия / В.Н. Муравьев. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 719 с.
9. *Fedorov N.F. Sobranie sochinenij* [Texts]: В 4 т. Т. 1: Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства / Н.Ф. Фёдоров. — М.: Прогресс, 1995. — 518 с.
10. *Fedorov N.F. Sobranie sochinenij* [Texts]: В 4 т. Т. 2: О философии В. Соловьёва / Н.Ф. Фёдоров. — М.: Прогресс, 1995. — 498 с.
11. *Чижикова Л.А. Проективизм как важнейший элемент в эпистемологических стратегиях русского космизма* [Text] / Л.А. Чижикова // Система ценностей современного общества. — 2014. — № 34. — С. 15–23.
12. *Шихкин И.М. Проблема свободы в русской проективной философии* [Text]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2012. — 139 с.

6. Muravyov V.N. Sochineniya [Compositions]. *Aforizmy. O lichnosti i vremeni, o voskreshenii i sobornosti* [Aphorisms. About the person and the time, the resurrection, and the sobornost]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 719 p.
7. Muravyov V.N. Sochineniya [Compositions]. «*Ovladenie istoriej*» [The conquest of history]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 719 p.
8. Muravyov V.N. Sochineniya [Compositions]. *Sofiya i Kitovras. Filosofskaya misteriya* [Sofia and Kitovras. Philosophical mystery]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 719 p.
9. Fyodorov N.F. Sobranie sochinenij [Collected Works]. *Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinah nebratskogo, nerodstvennogo, t. e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva* [The question of brotherhood or kinship, of the reasons for non-brotherly, non-interlinked, non-peaceful condition of the world and the means to restore the relationship]. Moscow, «Progress» Publ., 1995. 518 p.
10. Fyodorov N.F. Sobranie sochinenij [Collected Works]. *O filosofii V. Solovyova* [The philosophy of Vladimir Solovoyov]. Moscow, «Progress» Publ., 1995. 498 p.
11. Chizhikova L.A. Proektivizm kak vazhneyshiy element v epistemologicheskikh strategiyakh russkogo kosmizma [Proactivism is the most important element in the epistemological strategies of Russian cosmism]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [The system of values of modern society]. 2014, I. 34, pp. 15–23.
12. Shishkin, I.M. *Problema svobody v russkoj proektivnoj filosofii. Kand. Diss.* [The problem of freedom in Russian projective philosophy. Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 139 p.